

А. А. Тобров

*О*т Волыни до Подыни — легендарный
*Т*русиловский

DirectMEDIA

Александр Бобров

**От Волыни до Подыни –
легендарный Брусиловский**

«Директ-Медиа»

2014

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)524

Бобров А. А.

От Волыни до Подыни – легендарный Брусиловский /
А. А. Бобров — «Директ-Медиа», 2014

Лейтмотивом книги известного писателя современности А. А. Боброва могут стать слова о легендарном генерале Брусилове: "Он шёл уверенно и без чужой помощи. Он всегда знал, чего хотел. Но никто не подозревал в нем мужества. Нынче ему суждено свершить великие дела и не миновать беды... Мужества у нас не прощают".

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)524

© Бобров А. А., 2014
© Директ-Медиа, 2014

Содержание

Мужественный генерал	5
Мировая, Великая, Отечественная, Империалистическая...	11
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Бобров

От Волыни до Подыни – легендарный Брусиловский

*Книга посвящается памяти моего отца – поручика 171-го
Кобринского полка, участвовавшего в составе 7-ой армии в Брусиловском
прорыве*

Мужественный генерал

*Военные добродетели суть: отважность для солдата, храбрость
для офицера, мужество для генерала.
Александр Суворов*

Великий генералиссимус Суворов оставил много точных наставлений и афоризмов. Что значит этот, вынесенный в эпитафию? Отважность и самопожертвенность для солдата – ясно. Но что значит храбрый офицер? Это, по Суворову, тот человек, кто, предвидя опасность, идет на все и увлекает за собой других с полным сознанием ответственности за выполнение поставленной задачи. А задача эта всегда преследует одну цель: преодолев опасность, сделать ее для врага смертельной. Высшее же мужество для генерала в том, чтобы принять решение и уже не отступать от него и довести до конца. Генерал Похвистнев – командующий особым отрядом, однокашник командующего 8-ой армии Алексея Брусилова говорил: «О, это самое трудное для русского генерала в наше время. Мужеством в полной мере обладает у нас только один генерал – Брусилов. Он шёл уверенно и без чужой помощи. Он всегда знал, чего хотел. Но никто не подозревал в нём мужества. Нынче ему суждено свершить великие дела и не миновать беды... Мужества у нас не прощают». Как в воду глядел.

Эта книга посвящена мужественному генералу Алексею Алексеевичу Брусилову и главному победоносному сражению Первой мировой войны – Брусиловскому прорыву. В истории войн найдется не много стратегических операций (а в XX веке таких и не припомнишь), названных не по месту проведения, а по имени полководца, одна из них – наступление Югозападного фронта – Луцкий прорыв, который стал зваться Брусиловским. Про генерала от кавалерии и выдающегося полководца, родоначальника новой школы стратегии и тактики написаны разные книги – от биографических до условно художественных. Наконец, сам Брусилов оставил потомкам свои подробные воспоминания. И автор, наверное, не взялся бы за этот труд, если бы не два соображения. Первое – общественно-политическое: дальние предки Брусилова были выходцами из Речи Посполитой и вели свою родословную от известного польско-украинского дипломата Адама Киселя, потомки которого, перейдя на русскую службу, связали свою жизнь с русской армией. Генерал воевал в Галиции и Волыни, в тех местах, где мог бы по иронии судьбы владеть именем, сытно (комфортно, как говорят сегодня) жить под польским да австрийским каблуком, но Кисели-Брусиловы выбрали служение Российской империи. Отпрыск их делил все тяготы окопной жизни и жарких сражений от зимних Карпат до летней Галиции с дорогим его сердцу русским солдатом. Сегодня в этих краях стоят памятники сечевым стрелцам, воевавших за Австро-Венгерскую империю, которые порой застыт светлые воспоминания и остатки братских могил брусиловских воинов. Восприятие самой фигуры и политической позиции легендарного полководца снова вызывает сегодня горячие споры и требует постоянного осмысления, особенно в наше время, когда не утихает зуд развенчания, но

общество пытается выработать более взвешенный и патриотичный взгляд на истории России, включая ее славные и трагические страницы.

А.Н. Бобров – поручик 171-го Кобринского полка

Второе и важное обстоятельство – глубоко личное: в составе 7-й армии воевал, наступал на левом фланге и был дважды ранен за Тернополем и в Прикарпатье отец автора – поручик

171-го Кобринского пехотного полка Александр Николаевич Бобров. Как публицист и путешественник я прошёл по следам отца, по городам и весям – от Луцка, с которого началось решительное наступление, кончившееся полынной горечью, до Монастержиска, который много лет был в составе Польши и до Карпат, где был ранен отец – и попытался наполнить исторические очерки живыми впечатлениями, описать не только ход сражений, но и осмыслить уроки событий вековой давности. В частности, осветить противоречивые страницы истории Украины, когда её сыновья оказались между жерновами двух империй, а их мундиры были украшены как Георгиевскими крестами, так и австрийскими боевыми наградами. Но главная цель книги – запечатлеть свершения гениального военачальника и подвиг русского солдата, какая бы кровь ни текла в его жилах.

Только после смерти отца (я родился, когда ему исполнилось 50 лет) осознал, как много упустил и потерял, не разговарив, не записав его бесхитростные воспоминания двадцатилетнего офицера. Сам он рассказывал крайне мало – больше курьёзы и молодые выходы вспоминал без всякого пафоса, а ведь был награждён орденом Анны и шашкой «За храбрость!». Многие утверждают, что в те годы вообще было не принято вспоминать героев Первой мировой. Но про то, что Жуков и Рокоссовский – Георгиевские кавалеры, мы узнали рано, а вот у бати, который и умер от раковой опухоли в лёгком, образовавшейся вокруг осколка прикарпатского снаряда, я так и не мог выпытать ничего из его храброго пути. Объясняется это, наверное, тем, что боевой путь отца был заслонён посмертной и скорбной славой его сына, моего старшего брата – Николая Александровича Боброва, героически павшего в августе 1942 года под Ленинградом, потому-то, наверное, я и родился в 1944-м. По дурости замполита меня не отпустили из воинской части в 1965 году на торжества в Ленинградской области, где близ станции Лемболово на Карельском перешейке был открыт памятник трём летчикам – сталинским соколам, совершившим огненный таран. Крайний справа – мой старший брат, Герой Советского Союза...

Через много лет после смерти отца я нашёл в его бумагах обветшавший послужной список, где обозначены сражения и ранения поручика Боброва. Конечно, других памятных свидетельств нет, но в книге присутствует глава с редкостным свидетельством из Фондов Ковровского историко-мемориального музея: письма как раз с австрийского фронта прапорщика Евгения Георгиевича Герасимова (1890–1916), командира 2-й роты 310-го пехотного Чернышевского полка, уроженца Коврова Владимирской губернии. Два неотправленных письма были переданы денщиком после гибели Е.Г. Герасимова в бою 27 мая 1916 года, на второй день Брусиловского прорыва, они добавились к 14-ти присланным домой письмам. Мать автора писем – Варвара Павловна Герасимова, урожденная Невская слыла в Коврове женщиной образованной, умной, высоко культурной. Её внук – замечательный советский прозаик, ныне подзабытый – Сергей Никитин, который, понятно, приходится автору писем родным племянником по материнской линии. Вот какие родословные всплывают через век!

Конечно, я совершил путешествие по Тернопольщине и Прикарпаты, написал очерки и стихи, а потом стал осознавать весь масштаб и значение грандиозной операции 1916 года, проехал и по Волыни, где наступлением на Луцк начала легендарный прорыв 8-я армия, которой до назначения командующим Юго-Западным фронтом командовал сам Брусилов. Собирая и публикуя материалы, я вдруг погрузился в споры и разночтения по поводу, казалось бы, ясного и мужественного пути генерала. Современники знали битву как «Луцкий прорыв», что соответствовало исторической военной традиции: сражения получали названия согласно месту, где они происходили. Однако именно Брусилову была оказана невиданная честь: операция весной-летом 1916 года на Юго-Западном фронте получили наименование по одному из авторов плана операции по наступлению – «Брусиловский прорыв». Почему? Тут существуют разные точки зрения.

Одна из них такова: когда стал очевиден успех Луцкого прорыва, по словам военного историка А. А. Керсновского, «победы, какой в мировую войну мы ещё не одерживали», которая имела все шансы стать победой решающей и войну завершающей, в рядах русской оппозиции появилось опасение, что победа будет приписана царю как верховному главнокомандующему, а это – усилит монархию. Возможно, чтобы этого избежать, Брусилова стали восхвалять в прессе, как не превозносили до того ни Н. И. Иванова за победу в Галицийской битве, ни А. Н. Селиванова за Перемышль, ни П. А. Плева за Томашев, ни Н. Н. Юденича за Сарыкамыш, Эрзерум или Трабзон. Сопоставимы ли деяния и имена? – большой вопрос.

Деятельность Брусилова после октября 1917 года тем более вызывает сегодня жаркие дискуссии. Ведь он был самым авторитетным из царских генералов, перешедших на службу советской власти. А мог бы оказаться и в другом стане, как сам признавался. Существует даже утверждение злопыхателей, что и сам Луцкий прорыв продолжал называться Брусиловским, потому что генерал перешёл на сторону красных, что это было выгодно чуть ли не самому Сталину.

Церковная ограда у могилы Брусилова

Но надо напомнить, что и в западные энциклопедии, и в многочисленные научные труды по военной истории наступление вошло именно как «Brnssilow angritte», «The Brusilov offensive», «Offensive de Brnssilov» и т. д. Неужели во всех странах, даже враждебных нам, было так велико влияние советской власти и Сталина?

Автор продолжает придерживаться точки зрения генерала Похвистнева и своего отца: это была победоносная и главная битва, ставшая возможной только благодаря личной целе-

устремлённости, вопреки всем интригам и обстоятельствам, мужественного генерала Алексея Брусилова.

Не являясь сторонником смешения разных жанров, я всё-таки закончу вступление к познавательной книге давним и покаянным стихотворением:

Жизнь отца

*Я подумал опять на седых берегах Селигера,
Где отец все зовет меня издалека:
Как же мало узнал я о жизни отца-офицера,
Подпоручика Кобринского полка.*

*Я стеснялся спросить и запутаться в датах,
Безвозвратно казались они далеки:
Галицийские веси, прорыв легендарный в Карпатах
И раненье шрапнелью у горной реки.*

*В доме список хранился с печатью двуглавой,
Где бои внесены за высоты Карпат,
Но они затмевались недавнею славой,
Той, которой оваян был
старший мой брат—
Героический сын его, павший недавно.
До того и скорбел, и гордился отец,
Что не помнил про орден с отличием – Анна—
Про награду за бой у реки Коропец,
За лихой контрудар от Поповой могилы...*

*Много шрамов в обычной отцовской судьбе,
Он в российских просторах отыскивал силы,
Чтобы молча сносить все осколки в себе.
Я ведь помню седым его и постаревшим,
Сколько шли по лесам и озерам вдвоем...
Вот он тихо сидит над костром прогоревшим
И как будто не слышит о прошлом своем.*

*Но без этих боёв супротив супостата,
Как ни думай с позиций текущего дня —
Нет ни чести фамильной, ни старшего брата,
Ни меня...*

Прошло тридцать лет, мы видим, что даже на русской почве со времён Великой войны накопилось уже целых три пласта её осмыслений и научных концепций (историки имперской школы, догматики марксистской закалки и авторы с постсоветским развенчанием), но сегодня, к 100-летию начала Перовой мировой войны, к грядущему вековому юбилею Брусиловского прорыва, мы можем и попытаться сказать правду, и поспорить, и провести параллели с сегодняшними трудными днями, но главное – отдать заслуженную дань нашим героическим предкам.

Александр Бобров

Мировая, Великая, Отечественная, Империалистическая...

Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его – тот изменник Отечества, его предатель.

Из прощального обращения Николая II к войскам (8 марта 1917 г.)

Пока живы отзвуки недавней мировой драмы, именуемой Великой войной 1914–1918 годов, а они пережиты будут человечеством разве в далеком и очень далеком будущем, будет живо в умах и памяти имя Брусилова, ярко и выпукло отчеканенное на фоне пережитой человечеством драмы.

Из прощального слова командарма Андрея Снесарева (19 марта 1926 г.)

Над революционным Петроградом мчались свинцовые тучи, на свежие брустверы в Карпатах пал первый снежок, а во Франции ещё стояли остатние тёплые дни, подогреваемые всеобщим ликованием. В 11 часов, 11-го дня, 11-го месяца (ноября) 1918 года в железнодорожном вагоне, стоявшем на путях во французском городке Компьене, севернее Парижа, было подписано соглашение о прекращении огня на всех фронтах. Если точнее, перемирие было заключено в 5 утра 11 ноября, но вступило в действие с 11 утра. Был дан 101 залп – последние залпы Первой мировой войны.

Так в этот день закончились боевые действия на Западном фронте, где против немцев сражались союзники – страны Антанты без России. Ещё 29 сентября 1918 года верховное командование германской армии проинформировало кайзера Вильгельма II и имперского канцлера графа Георга фон Гертлинга, находившихся в штаб-квартире в Спа (Бельгия), что военное положение Германии безнадежно. Генерал-квартирмейстер Эрих Людендорф, по видимому, опасавшийся катастрофы, заявил, что он не гарантирует, что фронт удержится в следующие 24 часа и потребовал запросить у сил союзников немедленного прекращения огня. Кроме того, он посоветовал принять основные условия президента США Вудро Вильсона («Четырнадцать пунктов») и демократизировать имперское правительство, в надежде на лучшие условия мира. Это позволит сохранить лицо имперской армии и переложить ответственность за капитуляцию и её последствия непосредственно на демократические партии и парламент. Он сказал офицерам своего штаба: «Теперь они должны лечь в ту постель, которую они приготовили для нас». И 3 октября вместо Георга фон Гертлинга новым канцлером был назначен либерал – принц Максимилиан Баденский. Ему было поручено начать переговоры о перемирии. Однако при последующем обмене сообщениями выяснилось, что вильсоновские указания «на отречение кайзера как важнейшее условие достижения мира не встретили понимания. Государственные деятели Рейха тогда ещё не были готовы рассматривать столь чудовищный для них вариант». В качестве предварительного условия переговоров Вильсон требовал вывода немецких войск со всех оккупированных территорий, прекращение подводной войны и отречение Кайзера, записав 23 октября: «Если правительство Соединённых Штатов должно договариваться с верховным командованием и монархической верхушкой Германии сейчас или, по всей вероятности, позднее ввиду международных обязательств Германской империи, оно должно требовать не мира, а капитуляции». Она и была принята 11 ноября 1918 года.

В том же ноябре 1918 года в Москве был выпущен из-под ареста беспрекословный герой и самый успешный полководец русской армии Алексей Брусилов. Покинув армию после рево-

люционных событий и отставки по приказу Керенского с поста Главкома, он поселился в Москве. В ноябре 1917 года был тяжело ранен осколками случайно попавшего в дом снаряда и до июля 1918 года лечился в госпитале. В этот период его посещали представители Белого движения, стараясь привлечь на свою сторону, но генерал отклонил предложения перебраться на Дон. Это не осталось незамеченным. В августе 1918 г. был арестован органами ВЧК в качестве заложника, два месяца находился на Кремлевской гауптвахте, но был освобожден в ноябре победного года за отсутствием доказательств связей с антисоветским движением. В это же время были арестованы его брат, умерший в заключении, и сын, бывший ротмистр Алексей. Вот что творилось с офицерами – патриотами России...

В ноябре 1919 года (через год после подписания Компьенского перемирия) президент США Вилсон издал указ о праздновании Дня Перемирия\Armistice Day. В нем содержался следующий пассаж: «Для нас в Америке празднование Дня Перемирия будет проявлением гордости за тех, кто пал на службе своей стране и отдал свою жизнь для победы. Это также будет способом продемонстрировать иным странам нашу приверженность миру и справедливости». Уже тогда США примазались в последний момент, провозгласили себя чуть ли не главными победителями и продемонстрировали другим странам, что будут бороться за «мир и справедливость» всеми способами и любым оружием.

Политически Первая мировая в Европе завершилась подписанием Версальского мирного договора, а перемирие между странами Антанты и Германией, состоявшееся в Компьенском лесу, было подписано севернее Парижа потому, что здесь в заключительные месяцы войны располагался штаб главнокомандующего союзными силами на Западном фронте маршала Фоша. Акт подписания перемирия прошёл в переоборудованном вагоне-ресторане компании «Grandes Express Europeens», входившем в состав штабного поезда. После окончания войны исторический вагон поместили в музей, расположенный тут же в Компьене, украсив высокопарной мемориальной доской: «ЗДЕСЬ ОДИННАДЦАТОГО НОЯБРЯ 1918 ГОДА БЫЛА СОКРУШЕНА ПРЕСТУПНАЯ ГОРДОСТЬ ГЕРМАНСКОГО РЕЙХА, ПОБЕЖДЕННАЯ СВОБОДНЫМИ НАРОДАМИ, КОТОРЫХ ПЫТАЛАСЬ ПОРАБОТИТЬ».

В июне 1940 года, 22 года спустя, гитлеровская Германия за месяц с небольшим разбила французские войска, и правительство Франции запросило переговоров. Мстительный Гитлер назначил местом переговоров, конечно же, Компьенский лес. Место переговоров – ясно, в бывшем вагоне Фоша! «В музее? Достать!». И достали гордые французы, и доставили, не пикнув. Акт мести был продуман до самых мелочей. Вагон поставили на то же самое место, где он стоял в 1918 году. Гитлер сидел на том же самом стуле, на котором сидел маршал Фош, диктуя свои условия представителям побежденной Германии. После чтения преамбулы соглашения Гитлер, выражая презрение к французским делегатам, демонстративно покинул вагон, оставив вести переговоры генерала Вильгельма Кейтеля, своего начальника Генерального штаба.

Памятник погибшим в Первой мировой войне на территории Венгрии

Немцы, однако, на этом не уgomонились и вывезли достопримечательный вагон (вместе с мемориальной доской) в Германию, как военный трофей. Почти все военные годы он простоял в Берлине и лишь в 44-м его, от греха подальше отослали в деревушку в Тюрингии. Незадолго до конца войны эсэсовцы его уничтожили и даже закопали в землю остатки – боялись, что теперь уже их заставят подписывать очередную капитуляцию в историческом вагоне. Но зачем Сталину и Жукову нужен был штабной вагон: перед ними была одна цель – столица рейха, все его дворцы и пригороды!

После окончания войны дотошные французы заставили пленных немцев – восстановить музей в Компьене, а уничтоженный вагон заменили копией. Теперь там вновь музей – восстановлена обстановка заседаний переговорщиков с табличками: кто и где сидел и факсимильными копиями документов. Такая вот судьба обычного вагона-ресторана...

История переполнена символами, но что особенно потрясает: полную и безоговорочную капитуляцию фашистской Германии в присутствии маршала Жукова и подписывал тот же Кейтель! Правда, Гитлер был уже мёртв и поручить ничего не мог. В 1945 году 8 мая в Карсхорсте (предместье Берлина) в 22.43 по центрально-европейскому времени (00.53 9 мая – по московскому) был подписан окончательный Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии и её вооруженных сил. Под окончательным Актом стоят подписи генерал-фельдмаршала В.Кейтеля, главнокомандующего германскими ВМС адмирала Фон Фридебурга, генерала-полковника авиации Г. Штумпфа. Со стороны союзников Акт подписан Г.К. Жуковым и британским маршалом А.Теддером. В качестве свидетелей расписались представители США и Франции. Как видим, французского генерала в числе принимавших капитуляцию – нет, что хоть чуть-чуть успокоило Кейтеля: «Как и вы победители?», – воскликнул он при входе в зал унижения, где присутствовал главком французской армией генерал Ж. де Латтр де Тассиньи. Круг истории – замкнулся. Вернее, завершилась Вторая мировая война, которую многие историки и политики считают продолжением Первой.

Великими в XX веке называли две войны. Первая мировая получила имя «мировой» значительно позже, и только после Второй мировой ее обозначили как «первую». В советское время о ней забывали, именовали «империалистической». А изначально, на волне патриотизма в России, ее называли Великой войной, Второй Отечественной или Великой Отечественной. Но какое ещё всеохватное название можно придумать для страшной схватки с невиданным врагом – фашизмом? Даже странно сетовать по этому поводу: в истории параллельные названия не живут: в сознание народа не просто было вбито, а органически влилось: Отечественная война 1812 года (хотя ведь взятие Парижа нашими войсками состоялось в 1814 году). Мы должны в 2014 году отметить 200-летие полной победы над завоевателем Европы – Наполеонам и войсками его коалиции, но, убеждён, что праздника не будет – его затмит 100-летие начала Первой мировой войны: президент России Владимир Путин утвердил 1 августа в качестве дня памяти погибших в Первой мировой войне. Соответствующие поправки в федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России» были приняты депутатами Госдумы 18 декабря 2012 года, а уже 26 числа их одобрил Совет Федерации. Ранее официального дня памяти погибших в Первой мировой войне в России не было. Ещё в послании президент констатировал, что в России «до сих пор нет ни одного достойного общенационального памятника героям Первой мировой войны», и предложил «возродить имена наиболее прославленных полков, воинских частей, соединений прошлых эпох, и советской, и более поздних эпох, таких подразделений, как Преображенский, Семёновский полки».

Инициатива президента была воспринята положительно и начала реализовываться оперативно. Теперь и план празднования на государственном уровне есть, и средства заложены. Так, министр культуры Владимир Мединский сразу начал с рабочего визита во Францию. Он встретился с соотечественниками, провел презентацию проекта памятника российским воинам, павшим в Первой мировой войне, и обсудил вопросы организации совместных российско-французских мероприятий, посвященных 100-летию одного из крупнейших вооруженных конфликтов в истории человечества.»Раньше мы не участвовали в подобного рода комитетах и комиссиях и никогда не отмечали ни 50-летие, ни другие годовщины, связанные с этой войной. Наша страна понесла в ней самые большие потери, участвовала в коалиции победителей, но при этом сама себя объявила побежденной – в силу внутренних катаклизмов. Сейчас Россия возвращает себе свою историю», – отметил Владимир Мединский, снова впадая в грубую историческую ошибку: никакой побежденной Советская Россия себя не признавала, а побе-

дательницей быть просто не могла. Об этом подробнее – дальше, но хочется сразу отметить наметившуюся тенденцию сожалеть об «упущенной победе».

Уверен, что никакой победы ни противники, ни – главное! – союзники России и не дали бы одержать.

Например, историк и публицист Михаил Тюренок в своей статье «Первая мировая. Рок или случай?» написал кратко и доходчиво: «Главенствовавшая на протяжении семи десятилетий советская трактовка Первой мировой банальна, хотя и не лишена оснований: «Империалистическая война между двумя коалициями капиталистических держав за передел ранее уже поделенного мира, капитала и порабощения народов». Да, если посмотреть на проблему с материалистических позиций, объясняющих любое историческое событие через экономическую призму, примерно так оно и было. Если же обратиться к геополитике и принять теорию конфликта цивилизаций, все выглядит несколько иначе. Впрочем, для доказательства того, что Первая мировая не была неизбежной, можно обойтись без методологических тонкостей. Достаточно двух фактов, о которых на уроках истории говорить не принято».

Историк эти факты, которые я в основном принимаю, перечисляет. Итак, первый. На момент начала войны ни с Германией, ни с Австро-Венгрией у России не было неразрешимых противоречий. Можно сколь угодно долго размышлять о «вечно бабьем» в русской душе, как это делал в 1914 году, противопоставляя русских и немцев, философ Николай Бердяев, или напротив, подобно его оппоненту Василию Розанову, рассуждать о проснувшемся с началом войны богатырском русском духе, факт остается фактом. При целом ряде внешнеполитических разногласий между русскими и немцами, все эти противоречия напоминали споры соседей в большой коммунальной квартире континентальной Европы. Куда серьезнее была глобальная геополитическая «Большая игра», которая разворачивалась между Россией и Великобританией в течение всего XIX века и продолжается сегодня в несколько измененном формате и с привлечением новых игроков. Что же касается извечной для русско-турецких отношений темы черноморских проливов и покровительства над южно-славянскими народами, то после Русско-турецкой войны 1877—78 годов острота этих вопросов была уже не столь значительной. И подогревалось последнее исключительно фактом германского влияния на Османскую империю, причиной серьезной внешнеполитической «ревности» со стороны Англии и Франции.

Второй факт – конспирологический, которые сегодня либералами-западниками встречается обычно в штыки. Но это было очевидно для многих историков как раз русской эмиграции, знавшим Запад. Об этом доказательно ещё с 70-х годов писал известный советский историк Николай Яковлев. Речь идет о пресловутом «масонском следе» в развязывании Первой мировой войны, а в дальнейшем и Февральской революции 1917 года. Быть может, не стоит абсолютизировать этот момент, но нельзя не признать: целый ряд ключевых представителей российского политического спектра начала XX века – от радикалов (социалистов-революционеров и социал-демократов) до либералов (кадетов и октябристов) – входили в масонские ложи. Среди политических масонов того времени допускался полный плюрализм мнений, но в одном эти люди оставались едины: отрицательном отношении ко всем мировым империям, кроме Британской, и сугубом презрении к русской монархии. Последняя, при всех ее недостатках, к 1914 году во многом оправилась от политического кризиса начала века, а в экономическом плане и вовсе достигла небывалых прежде успехов. И только затяжная война и новая революция могли остановить рост российского влияния. Сложно сказать, насколько масоны повлияли на развязывание войны и революции, но то, что наиболее известные их представители (причем как либералы, так и революционеры) в 1914 году выступили с резко антигерманских позиций, а спустя два года – с не меньшей яростью потребовали свержения монархии, наводит на определенные мысли.

«Разумеется, – уточняет автор, – было бы неверным сводить всю Первую мировую к этим двум моментам. Так, любой специалист-историк может сходу перечислить десяток экономи-

ческих и политических факторов, подтолкнувших её начало. Которые, однако, объясняют все, что угодно, но только не неизбежность начала самой войны. Войны, против замалчивания уроков которой, выступая в Совете Федерации, предостерег президент России Владимир Путин».

Но если и согласиться с двумя причинами развязывания войны – политика Великобритании и масонство – следует подчеркнуть, что они не были устранены ни первыми победами 14-го года, ни сглажены поражениями 15-го, ни разрушены даже громкими победами года 16-го, а, значит, президент Владимир Путин, выступая в 2012 году в Совете Федерации и отвечая на вопросы, заявил не совсем исторично, что причиной поражения России в Первой мировой войне было «национальное предательство» и вменил его в вину «тогдашнему руководству страны», то есть большевикам, пошедшим на заключение Брестского мира. Правда, тут же для сбалансированности уточнил: «Они несли на себе этот крест. Они искупили свою вину перед страной в ходе Второй мировой войны, Великой Отечественной. Это правда».

При этом он высказал тезис, что в результате Россия проиграла войну уже проигравшей стороне, после чего «огромные территории, огромные интересы страны были отданы, положены непонятно ради каких интересов, ради партийных интересов только одной группы, которая хотела стабилизировать свое положение у власти». Заявление выдержано в нынешнем духе, когда за власть одной группы могут идти на всё, как это было при развале державы в 1991 году или расстреле Верховного Совета в 1993-м! Понятно, что Путин готовился к тому, чтобы предложить достойно отметить 100-летие Первой мировой войны. Благое дело, но всё-таки надо было спичрайтерам поработать основательно, разобраться, кто за что воевал и куда дело шло, кто предавал и кто расхлебывал? Уж питерским помощникам должно быть известно, что после Февральской революции к власти пришли не большевики, а Временное правительство. Но уже 11 марта 1917 года войска Брусилова присягнули ему на верность. Выступая на митинге, командующий фронтом призвал солдат поддерживать в армии порядок и сохранять боевой дух, чтобы она могла защитить свободную Россию. Выступление Брусилова было восторженно встречено солдатами и собравшейся толпой. Керенский назначил его Верховным главнокомандующим! Напомню, что до него таковым был сам Николай II. Брусилов попытался навести порядок в своих войсках и препятствовал ведению в них ненужной пропаганды. Но в действующей армии уже давно шел процесс брожения, солдаты требовали окончания войны, заключения мира с немцами и возвращения домой. На всех фронтах, на которых побывал Брусилов, его же войска отказывались идти в наступление.

И все же наступление началось. Перед его началом было достигнуто трехкратное численное превосходство. По числу артиллерии русские войска имели двукратное превосходство над противником (1114 орудий). Недостатка в боеприпасах войска также не испытывали. 29 июня с рубежей, на которых остановилась русская армия во время знаменитого «Брусиловского прорыва», была проведена артиллерийская подготовка по австро-венгерским позициям. Войска Юго-Западного фронта перешли в наступление. Главный удар наносили 11-я и 7-я армии. Впереди действовала 8-я армия, которую теперь возглавил Л.Г. Корнилов. В ходе наступления были захвачены передовые позиции противника, но дальше солдаты отказались идти, и Брусилов уже не имел возможности повлиять на них. На помощь австро-венгерским войскам стали прибывать германские части, и утром 19 июля противник перешел в контрнаступление. Без всякого приказа русские полки стали оставлять позиции и уходить с фронта. Массовым явлением стало обсуждение боевых приказов в полковых комитетах. Через неделю немцы взяли Тернополь, откуда начал войну мой отец – двадцатилетний поручик. Какой исторический и политический слом всего за один год, но долго он накапливался! Это, кстати, урок всем «группам власти»...

Что там революционный 17-й год – до всяких событий, потрясших самодержавие, в удачном 1916 году даже блестящие победы на Кавказе, даже Брусиловский прорыв не смогли вдохнуть в действующую армию и тыл, в солдата и обывателя неистребимую веру в победу над вра-

гом. А о единении народа с правительством, армии с народом не приходилось, увы, и мечтать. Более того, словно какой-то невидимой силой нагнетались искусственно создаваемые трудности во всех сферах жизнедеятельности воюющей страны. Нельзя без недоумения и негодования в душе читать выдержки из официального доклада военного министра Поливанова: «Чувствуется недостаток во всем. Топливо вздорожало в Петрограде на 300 %, в некоторых городах не было соли, сахара; мяса до сих пор мало в Петрограде, во многих местах мука и зерно продаются по чрезвычайно высоким ценам. В Сибири зерно так дешево, зато в Петрограде по ценам, возможным только во время голода... С одной стороны, поезда с артиллерийскими парками на фронтах подолгу стоят незагруженными, а с другой, в Москве около полугода стоит в тупике 1000 вагонов, нагруженных артиллерийскими фабричными станками и пр., что как раз нужно для промышленности».

Продолжалась разрушительная деятельность так называемых демократических политиков в Думе, ВПК, всевозможных организациях и партиях. Государь Император, его окружение, правительство, вся имперская власть обличались на каждом шагу. Шельмовались даже успешно действующая, только что вышедшая из боев армия. Вот один из таких одиозных деятелей – Родзянко во всеуслышание заявляет: «Русское высшее командование либо не имеет заранее подготовленных планов операций, либо если их имеет, то их не выполняет. Высшее командование не умеет или не может организовать крупную операцию... не умеет подготавливать наступление... не считается с потерями живой силы... В армии проявляется вялое настроение, отсутствие инициативы, паралич храбрости и доблести. Если сейчас как можно скорее будут приняты меры, во-первых, к улучшению высшего командного состава, к принятию какого-либо определенного плана, к изменению взглядов командного состава на солдата и к подъему духа армии справедливым возмездием тем, кто неумелым командованием губят плоды лучших подвигов, то время, пожалуй, не упущено». После побед Брусилова, Юденича и Деникина – «высшее командование не умеет»! Это он о царе Верховном главнокомандующем говорит или о цвете русского генералитета?

Ведь не поздний советский пропагандист вещает, а депутат-современник, которому верили и в Ставке, и в окопах, и в запасных полках. Кстати, наши заклятые друзья в лице главы британской миссии генерала Нокса оценивали русскую армию и русский тыл совсем по-другому: «Русская пехота устала, но меньше, чем год назад (в 1915 году отступления – А.Б.) ... и всех видов вооружения, боеприпасов и снаряжения было больше чем когда-либо. Качество командования улучшалось с каждым днем... никакого сомнения в том, что, если бы тыл не раздирался противоречиями, русская армия увенчала бы себя новыми лаврами... и, вне сомнения, нанесла бы такой удар, который бы сделал возможным победу союзников к исходу этого года».

Кому же верить? – даже мы не можем понять из мирных времён, имея все источники на руках, а что думали вояки на передовой или родственники их дома? Печальнее всего, что болтовня Родзянки и ему подобных ниспровергателей стала проникать в душу простого солдата. Нижние чины, «окопные крысы» не могли не заметить этого, их все больше охватывали равнодушие и апатия. Летом 1916 года даже участники Брусиловского прорыва запели:

*Ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду;
Как попал я в ту беду,
Во слезу горячую,
Войну неминуемую.
Ты скажи, порастолкуй,
Чего война сладилась.
До русских наладилась.
Как наш русский-то народ*

*Все копал бы огород,
Да сажал бы редьку крепку,
Да сажал бы сладку репку,
По полям бы спела рожь,
А война нам невтерпёж...*

Не все, конечно, распевали эту чушь. Герои прорыва продолжали терпеть и готовиться к решительным сражениям. Кстати, в Брусиловском прорыве получил боевое крещение будущий маршал победы А.М. Василевский, командовавший ротой в 409-м Новохопёрском полку.

Во время февральской революции Николая II отказываются поддержать даже его ближайшие родственники – великие князья. На февраль 1917 года в России насчитывалось 15 великих князей. Из них фактически никто не поддержал царя. По крайней мере, трое великих князей, Николай Михайлович, Николай Николаевич и Георгий Михайлович, в конце 1916 года безуспешно пытаются склонить к царю к введению *«ответственного министерства»* (то есть фактически к введению парламентарной конституционной монархии). Наиболее влиятельный из них, великий князь Николай Николаевич, во время событий агитирует Николая II за отречение, наиболее вероятный преемник, Михаил Александрович, отказывается принять власть. Великий князь Кирилл Владимирович 1 марта переходит на сторону революции. Кроме того, несколько великих князей – Павел Александрович, Кирилл Владимирович и Дмитрий Константинович – во время революции составляют собственный проект манифеста об отречении («великокняжеский манифест»). А ведь Николай – главнокомандующий!

Следует для полноты картины добавить, что в 1917 году не только Россия терпела поражение за поражением от германской армии, но и Антанта, как ни парадоксально, не мечтала о победе над Германией. Выход России из Первой мировой войны явился объективным результатом загнивания системы управления самодержавия и полной деградации разворованного фронта и тыла. Во Второй мировой войне с военной точки зрения Германия, безусловно, громила Антанту и Россию. Черчилль писал: «В 1917 году русский фронт был сломлен и деморализован. Революция и мятеж (февральские! – А.Б.) подорвали мужество этой великой дисциплинированной армии, и положение на фронте было неописуемым. И все же, пока не был заключен договор о ликвидации этого фронта, свыше полутора миллионов немцев были скованы на этом фронте, даже при его самом плачевном и небоеспособном состоянии. Как только этот фронт был ликвидирован, миллион немцев и пять тысяч орудий были переброшены на запад и в последнюю минуту чуть не изменили ход войны и едва не навязали нам гибельный мир». Так что сам стан победителей – трещал, если бы не революция в Германии.

Что же помогло, спасло от «гибельного мира»? Вмешательство американского экспедиционного корпуса на завершающем этапе военных действий, но главное – штатовские банковские деньги. Они-то и позволили Антанте даже не переломить военностратегическую ситуацию, а скорее, убедить лидеров такой же прогнившей Австро-Венгерской империи и уставшей Германии, что лучше всего не тягаться с американской финансовой мощью и империалистическими замашками. Но дальнейшие рассуждения на эту тему годятся, скорее, для политологической, а не истоко-патриотической книги. Хотя один вопрос не дает покоя: почему же всё чаще прорывается такая точка зрения: большевики проиграли проигравшей стороне? Психологически тут видится объяснение в словах коллеги – журналиста и публициста, который может взглянуть со стороны и подивиться.

Итальянец Дж. Кьезо так сказал о современной России, терпящей поражение в третьей империалистической войне: «Будущим историкам нелегко будет разобраться в том массовом предательстве национальных интересов со стороны правящих классов после того, как они утвердились у власти путем развала СССР. В истории нет ни одного подобного случая самоликвидации страны и культуры. Есть примеры поражения государства в результате войны. Или

в результате поглощения со стороны более сильных, организованных и развитых культур. Но никогда не было так, чтоб мировая держава, в каком-то смысле империя, имевшая величайшую культуру и науку мирового уровня в числе двух-трех первых держав мира, сдалась без боя и дошла за несколько лет до беспрецедентного самоуничтожения. Никогда не было такого побежденного, который возносил бы (причем искренно) хвалу победителю. Как такое могло случиться? Прежде всего, виноваты ликвидаторы, из которых состоит сегодняшний российский правящий класс».

А территорию-то куда большую потеряли, чем после Брестского мира – от русского Донбасса до казацкой реки Урал! Вот «уникальная ситуация», а не мнимый проигрыш якобы проигравшей Германии. Отсюда и проистекает фрейдистское стремление – найти «более виноватых», обрести чувство хоть какого-то превосходства над мнимыми предателями национальных интересов.

Это неплодотворно. Пусть авторы подобной теории, все западники и германофилы вспомнят страничку из дневника «Окаянные дни» Ивана Бунина, ненавидевшего определенную часть большевиков:

«Москва, 1918.

6 февраля.

В газетах – о начавшемся наступлении немцев. Все говорят: «Ах, если бы!»

Ходили на Лубянку. Местами «митинги».

Дама поспешно жалуется, что она теперь без куска хлеба, имела раньше школу, а теперь всех учениц распустила, так как их нечем кормить:

– Кому же от большевиков стало лучше? Всем стало хуже и первым делом нам же, народу!

Перебивая ее, наивно вмешалась какая-то намазанная сучка, стала говорить, что вот-вот немцы придут и всем придется расплачиваться за то, что натворили.

– Раньше, чем немцы придут, мы вас всех перережем, – холодно сказал рабочий и пошел прочь».

Пошел по Лубянке, так знакомой нынешней правящей команде...

* * *

Первого августа мы будем прежде всего вспоминать воинов, не вернувшихся с Первой мировой войны, и саму славную историческую дату: именно в этот день в 1914 году Германия объявила России войну в ответ на отказ отменить мобилизацию. Как это ни странно, она оставалась «terra incognita» для миллионов советских людей, как и остаётся для россиян. Это тем более странно, что разговор не идет об участии в ней тех же союзников – американцев, французов, англичан, переметнувшихся румынах и так далее. Речь идет о России, едва ли не самом активном участнике тех трагических и героических событий, длившихся более 4 лет (с 1 августа 1914 года по 11 ноября 1918). В войне участвовало 38 государств, на ее полях сражалось свыше 74 миллионов человек, из которых 10 миллионов было убито и 20 миллионов искалечено. Война, в которой потери России составили в общей сложности 93473000 (более 9 миллионов!) человек, из них безвозвратные – 22544000, санитарные – 3749000, попавшие в плен (без учета возвратившихся в ходе войны) – 3343900 человек, для русского человека остается неизвестной, точнее забытой. Кстати, жертвы у нас и в Первую мировую войну были наибольшими. Франция потеряла в общей сложности 4701800 человек, Англия 3301100, Германия – 7860000 и Австро-Венгрия – 4880000 человек. Вся Европа уставлена памятниками героям и жертвам первой великой, мировой войны двадцатого века. Знаменитая на целый мир Могила неизвестного солдата в Париже, от которой пошли тысячи подобных могил по всем континентам, у нас так и не появилась. В Советском Союзе, нынешней России нет до сих пор ни одного достойного памятника, а уж могилы героев и жертв почти все утеряны, кроме одной

в Москве, в Царском селе, в нескольких местах Украины и, что особенно показательно – в Белоруссии.

Главный памятник будет установлен на Поклонной горе, его автор – скульптор Андрей Ковальчук. Успешно прошёл сбор средств и цикл благотворительных концертов. Также в Москве, на Фрунзенской набережной, планируется открытие целой скульптурной композиции из 13 фигур героев Первой мировой. Еще два памятника будут установлены в Санкт-Петербурге и во Пскове. Запланировано издание энциклопедического словаря «Первая мировая война», где, несомненно, на букву «Б» будет описан легендарный Брусиловский прорыв, на «Н» – подвиг штабс-капитана Петра Нестерова, совершившего первый воздушный таран; героев хватит на все буквы русского алфавита. Будут восстановлены воинские мемориалы за границей – некрополь «Ново-Гробле» в Белграде, кладбище русских военнопленных в Южном Тироле, во многих местах на Западной Украине, где в 1914—18 годах шли крупные сражения.

Но больше всего памятных мероприятий пройдет в Калининграде – ведь это единственный регион современной России, где проходили баталии Первой мировой. Аккурат в день столетия вступления России в войну в форте № 3 должен распахнуть двери федеральный музей Первой мировой войны, который создан по инициативе министерства культуры. А 20 августа недалеко от райцентра Гусев состоится реконструкция первого сражения на Восточном фронте – Гумбинненского, которое завершилось победой русских войск и отступлением немцев. Масштабная репетиция этого военного спектакля уже состоялась летом нынешнего года, когда под Калининград съехались представители исторических клубов со всей России.

В ближайшее время в столице янтарного края, на Московском проспекте, будет установлен памятный знак на месте самого большого в Восточной Европе Гарнизонного кладбища тех времен. С 1914 по 1918 год в братских могилах обрели покой 2904 воина различных государств, в том числе и 263 солдата Русской императорской армии. Событиям Первой мировой войны посвящен и полнометражный фильм «Батальон смерти», съемки которого в эти дни заканчивает Телерадиовещательная организация (ТРО) Союзного государства (Россия – Белоруссия). Прообразом главной героини стала женщина-офицер Мария Бочкарева (ее играет актриса Мария Аронова), награжденная за доблесть и отвагу Георгиевским крестом. Уже в конце войны, в феврале 1917-го, она стала инициатором создания так называемых «женских батальонов смерти».

Памятник погибшим в Первой мировой войне в провинциальном венгерском городке

Первый в России музей Первой мировой войны, уже получивший название «Россия в Великой войне», открывается 1 августа 2014 года в Царском селе под Петербургом. Он расположен в государственной Ратной палате, в Александровском парке. Музей занял площадь в 860 квадратных метров и стал, как говорят сотрудники, «научно-популярным изданием, написанным языком вещей». Уже на момент написания книги экспонатов насчитывалось несколько сотен. Среди них есть орудия, мундиры, награды, знамена, документы и фотографии. Основу коллекции будущего музея составили коллекционеры и обычные люди, а львиную долю финан-

сирования обеспечивают меценаты из Москвы. В музее будут установлены большие экраны, на которых можно показывать хроникальные кадры начала прошлого века, а также создана галерея портретов Георгиевских кавалеров, наподобие эрмитажного зала войны 1812 года. В Калининграде открылась выставка «Первая мировая война: пролог XX века», организованная Государственным центральным музеем современной истории России (Москва).

Но никакого всенародного празднования, а уж тем более приближения Первой мировой к сердцу и разуму каждого россиянина – не получится. Объяснение элементарное: школьники уже про Вторую мировую войну почти ничего не знают или считают, что фашистов победили США. Прежде огромную роль играли встречи с ветеранами, которых становится всё меньше, школьные музеи, которые исчезают в современных зданиях с евроремонтом, походы по местам боевой славы и другие формы внеклассной работы. А тут – и отдалённость по времени огромная, и территориальная недоступность свою роль играет – попробуй свози школьников в Галицию! Да, Восточный (русский) фронт был наиболее протяженным фронтом в годы Первой мировой войны. Русские же войска также сражались на Кавказском, Персидском, Салоникском (балканском) и Западном (французском) фронтах, но единственным регионом России, где в годы Первой мировой войны шли активные боевые действия, осталась Калининградская область (бывшая Восточная Пруссия). Первое крупное сражение с германскими войсками под Гумбинненом (20 августа 1914 г.) было выиграно 1-й русской армией, хотя она уступала численно и в артиллерии. Но мы ведь знаем, что эта область – анклав, куда добираться через Литву затруднительно, да и дорого, чтобы рассчитывать на какой-то массовый туризм.

Русские армии дважды наносили крупные поражения основным силам австро-венгерской армии: в первый раз в Галицийской битве (август – сентябрь 1914 г.), второй – во время Брусиловского прорыва (лето 1916 г.), но эти земли, политые русской кровью, находятся на западных территориях Украины, где не славу императорской армии берегут, а проклинают её на официальном уровне и обвиняют... в агрессии. Даже по следам русской армии, которая углубилась на 200–300 км по территории Турции, экскурсанты не поедут, потому что в Трапезунд (Трабзон) на Чёрном море, в город, который был занят русской армией с апреля 1916 года по март 1918-го, приезжают не курортники российские, а челночники. В годы Первой мировой войны в русской армии были образованы латышские, польские, чешские, армянские, туркестанские, грузинские, сербские национальные части, о которых сегодня никто и не вспоминает как о зарубежных и вроде не реальных. А ведь некоторые славяне, проживавшие на территории Австро-Венгрии, специально записывались в австрийскую армию с целью перейти фронт и сражаться на стороне России. Сегодня в это вообще никто верить не хочет.

Правда, если вернуться к российским школьникам, придётся вспомнить, что мальчишек порой впечатляют не только бронзовые монументы, высокие стелы, но и обыкновенные... солдатики, которые формируют патриотическое мировоззрение с пяти, с шести лет. В моем детстве в магазинах было немало оловянных солдатиков Красной армии. И мы с друзьями устраивали на полу настоящие побоища – никогда и взрослыми не забудем дух русской победы. А вот во времена детства сына особенной популярностью пользовались индейцы. В нынешнем году московская компания «Ура!», которая уже десятый год занимается изготовлением игрушечных солдатиков, подготовила к выпуску целую серию, посвященную русской армии времён Первой мировой войны. Тут поле творчества и детской игры – огромное. Но насколько это приблизит восприятие Первой мировой – трудно сказать.

Для огромной части населения катализатором забвения или отторжения выступает и то, что многие прославленные герои Первой мировой стали «белыми» генералами Гражданской войны: Лавр Корнилов командовал дивизией, в начале 1915 года, сумел прорваться за Карпатских хребет, затем попал в австрийский плен, из которого удалось бежать, но был убит красными и кощунственно выкопан из могилы; Антон Деникин командовал 4-й стрелковой бригадой, за успехи прозванной «Железной», дважды брал Луцк, но прах его вернулся на родину

только через много лет; Александр Колчак отличился как начальник Минной дивизии на Балтийском флоте, затем командовал Черноморским флотом, но потом погряз в таких переделках и жестокостях, что никакой красивый фильм не спасёт; генерал Николай Юденич (командующий войсками Кавказской армии с конца 1914 года) не проиграл ни одного сражения до 17-го года, но после поражения под Петроградом и эмиграции сошёл с тропы войны и отказывался от командования экспедиционным корпусом «по спасению России».

Сегодня эти генералы реабилитированы, более того, маятник качнулся от проклятий и обвинений до прославления и идеализации, но, во-первых, в народном сознании многие из них остаются кровавыми ставленниками Антанты, а, во-вторых, даже могилы их, как захоронение Юденича в Ницце, находятся далеко от границ и возможности поклонения. Те россияне, которые сегодня тусуются или имеют недвижимость на Лазурном берегу, плевать хотели на славу русского оружия. Так что тут всенародную память всколыхнуть трудно. Единственный прославленный и безусловный герой – генерал Брусилов. Место боёв, штабов и ставок – доподлинно известно, жизненный путь описан, последний дом в Москве – сохранился, могила в Новодевичьем монастыре – прибрана. Но даже и тут вдруг вспыхивают такие споры и обвинения, что в пору не маршруты по местам его воинской славы прокладывать, а пытаться оправдать хотя бы очередной книгой. А главное – ему не стоит памятник в столице, даже дом в Мансуровском переулке не украшен стелой, как многие угловые дома в Будапеште, например. В Венгрии высоко чтят героев Первой мировой, потому что во Второй мировой венгры сражались на стороне Гитлера, показали себя жестокими оккупантами, но слабыми солдатами, сдающимися в плен. Единственный памятник советским воинам-освободителям хотят в Будапеште снести.

В старинном городе-крепости Вязьме, которая отмечает своё 775-летие, снова подумалось о том, как мало мы знаем родную историю. Не раз бывал в уютном райцентре, написал вот эту книгу, а только на праздновании 5-летия присвоения Вязьме звания Города Воинской Славы, узнал, что это – город-лазарет героев Первой мировой, этапный госпиталь на 30.000 коек для всего Западного фронта. Многие вязьмичи, конечно, тоже воевали и стали Георгиевскими кавалерами. В годы Первой мировой войны в районе Привокзальной площади, там, откуда ранее в Вязьме начинался бульвар Героев Второй Отечественной войны (так её называли), а ныне берет свое начало улица Красноармейское шоссе, на правой стороне стояли военные казармы. С левой стороны размещался госпиталь – Лютовский лазарет Красного Креста. Умерших воинов хоронили в братских могилах на Троицком кладбище, неподалеку от станции Вязьма. После революции больница так и называлась: «Больница Павших Героев». В 1916 году на бульваре в Вязьме был поставлен первый и единственный в России памятник Георгиевским кавалерам – героям Первой мировой. Это был высокий шестигранный обелиск из стали, расписанный под мрамор и установленный на трехступенчатом квадратном основании. До наших дней обелиск не сохранился (революция, потом 17 месяцев под фашистской оккупацией), но его основание можно было видеть до конца 1950-х годов.

К 100-летию начала Первой мировой войны администрация города во главе с неугомным Александром Клименковым – членом Союза писателей России планирует возродить утраченную достопримечательность. Ещё мэр хочет поставить памятник Борису Годунову, рожденному в семье вяземского дворянина Фёдора.

Именно Александр Константинович и предложил провести в Вязьме выездной секретариат родного творческого Союза – Международную соборную литературно-историческую встречу к 100-летию Первой мировой войны.

На торжественном заседании под председательством Валерия Ганичева и круглом столе «Города воинской славы России» Сергей Куличкин представил книгу «Первая мировая». Им была проделана огромная работа, чтобы документально высветить зарубежные театры боевых действий (в чём я не так силен и частично, с согласия автора, ссылался на его изыскания),

но главное – эпопея приблизила события вековой давности. Для этого Куличкин проводит параллели с Великой Отечественной, хотя и подзабытую войну теперь тоже называют Великой и Отечественной. Считаю, надо поумерить пафос и вчитаться хотя бы в такой приведённый автором книги документ. Германский главнокомандующий генерал-фельдмаршал Фалькенгайн в конце декабря 1915 г. представил кайзеру план ведения кампании 1916 г. В преамбуле он характеризует каждого противника и, в частности, пишет, что Англия не выйдет из войны в случае частного поражения. Поэтому Англии надо вредить политическими мерами и беспощадной подводной войной. Исключает он как объект наступления и Россию, ибо «несмотря на внутренние затруднения этого исполинского государства можно говорить о наступлении только в богатые области Украины, но пути туда во всех отношениях недостаточны. Удар на миллионный город Петроград, который при более счастливом ходе операции мы должны были бы осуществлять из наших слабых ресурсов, не сулит решительного результата. Движение на Москву ведёт нас в область безбрежного. (! – А.Б.). Ни для одного из этих предприятий мы не располагаем достаточными силами».

А вот Наполеон и Гитлер ринулись в область безбрежного, дошли через Вязьму до Москвы, и потому освободительные войны с этими врагами названы Отечественными. А тут бои шли на окраинных древнерусских землях, так что война с обеих сторон – империалистическая, и не стоит навязывать пышные названия, которые затемняют осмысление народного подвига и достойное празднование славного юбилея. Когда поминают в субботу всех усопших православных христиан, отцов и братьев наших, хор поёт: «Души их во благих водворятся и память их в род и род». То есть – память о них (пребудет) из поколения в поколение. Вот эту память и надо передать!

События на Украине доказывают, что делёж мира по неоимпериалистическим рецептам – продолжается. Поэтому широкого начала празднования 100-летия никак не получается: оно и понятно хотя бы потому, что главные и славные победы Брусилова и Алексеева, Корнилова и Деникина – от взятия Львова, откуда вышел «Правый сектор» и другие неонацисты, до Волыни, где был поставлен на колени ни в чём не повинный губернатор – были одержаны как раз на Западной Украине. В Тернополе, откуда начинал свой путь к наградам и ранам мой отец, была захвачена первая воинская часть с оружием, гуляющим теперь по Майдану. Так что сегодня продолжается другими средствами (о чём, конечно, ни одно СМИ не упоминает) то же геополитическое и идейное противостояние, что и век назад на тех же просторах, где украинцы воевали с двух сторон, но куда больше, конечно – с российской! Так что любой наш политический, дипломатический, силовой успех на Украине – часть празднования 100-летия Первой мировой войны и нового Брусиловского прорыва.

* * *

Что же представляла из себя Россия накануне мировой схватки? Если мы взглянем на объективные исторические реалии, нам придется отказаться от стереотипных представлений о ней как об отсталой и забитой стране. Конечно, у России были свои особенности, которые, в общем-то, ничуть ей не мешали, а порой давали и преимущества. И человек, которого весьма трудно заподозрить в «славянофильстве» или в «реакционности», граф С.Ю. Витте, ещё в 1893 году писал: «Находясь на границе двух столь различных миров, восточноазиатского и западноевропейского, имея твердые контакты с обоими, Россия, собственно, представляет собой особый мир. Ее независимое место в семье народов и ее особая роль в мировой истории определены ее географическим положением и в особенности характером ее политического и культурного развития, осуществлявшегося посредством живого взаимодействия и гармоничной комбинации трех творческих сил, которые проявили себя так лишь в России. Первое – православие, сохранившее подлинный дух христианства как базис воспитания и образования;

во-вторых, автократизм как основа государственной жизни; в-третьих, русский национальный дух, служащий основанием внутреннего единства государства, но свободный от утверждения националистической исключительности, в огромной степени способный на дружеское товарищество и сотрудничество самых различных рас и народов. Именно на этом базисе строится все здание российского могущества».

Перед войной Россия переживала бурный экономический подъем. А точнее, за предшествующие полвека периодов подъема было несколько. Один – в эпоху реформ Александра II, второй – в конце XIX – начале XX века, связанный с деятельностью министра финансов и премьера Витте, который ввел заградительные тарифы для защиты национальной промышленности, добился конвертации валюты путем установления золотого стандарта, проводил государственную политику поощрения предпринимательства. Третий подъем случился в 1907–1914 годах и обеспечивался политикой премьер-министров П.А. Столыпина и В.Н. Коковцева. Средние ежегодные темпы экономического роста составляли 5–8 %. Теперь-то мы знаем, что это огромный прирост. За 50 лет объем промышленного производства вырос в 10—2 раз (за 13 предвоенных лет – втрое), а по некоторым показателям прирост получился просто баснословным. Так, химическое производство возросло в 48 раз, добыча угля – почти в 700 раз, нефти – почти в 1,5 тысячи раз. Так что никакой особой интриги не было: ни Германия, ни даже славные союзники не желали дальнейшего усиления России, напротив – зарились на её богатства.

Мы вошли в 2014 юбилейный год – уже должны были появиться солидные монографии, романы, художественные и многосерийные телефильмы о предвоенной России, о самой Первой мировой, о том же выдающемся полководце Брусилове с его величественной и трагической судьбой. Но нынешним продюсерам это неинтересно. Правда, на «Первом» вышел фильм «Загадки Первой мировой», но никаких загадок там не было, выступали давно известные историки, политологи, генералы с не раз повторенными концепциями, противоречивыми выводами, упрёками.

Прошёл общественно-научный форум «Первая мировая война в контексте современной мировой политики». Форум был организован Постоянным комитетом Союзного государства России и Беларуси и Российским военно-историческим обществом. В заседаниях приняли участие российские и белорусские исследователи, писатели, дипломаты. Тон дискуссии задал Андрей Петров, ответственный секретарь Российского исторического общества: «Герои прошлого, а в случае с Первой мировой войной приходится говорить «забытые герои», становятся и нашими героями, точнее, как мы полагаем, должны становиться. Преемственность – вот главная форма идентичности российской нации. Уроком войны является и то, что исторической необходимостью стала готовность к ответу на вызовы, противостоянию внешним угрозам». Юрий Петров, директор Института российской истории РАН, напомнил о том, как изучали и трактовали Первую мировую в разные эпохи. В советское время эта война рассматривалась как прелюдия к революции, как «первая империалистическая», но и тогда выходили объективные исследования. Так, в 70-е годы Институт военной истории Министерства обороны издал двухтомник «История Первой мировой войны», который остаётся актуальным и сегодня. Юрий Петров предложил дополнить и переиздать этот труд в рамках гуманитарных программ Постоянного комитета Союзного государства.

Вообще за советские годы было выпущено много достойных книг. Между тем Михаил Ширяев, представляющийся на самодержавном сайте как аналитик, нагнетает: «Заметим, что реабилитация русской истории и в частности русской военной истории, на которую пошел Сталин в годы Второй мировой войны, когда сапог немецкого солдата вернулся на русскую землю, на Первую мировую войну не распространялась. Можно было говорить о давнем, о Суворове и Ушакове, о Петре I и о славном 12-ом годе. Даже о нелюбимом коммунистами Скобелеве можно было упомянуть в соответствующем фильме. Даже японская война получила достойное отображение в сталинской художественной литературе, когда в дополнение к более чем тенден-

циозной Цусиме пришли великолепные степановский «Порт Артур» и семеновское «На сопках Манчжурии». Можно было даже открыто носить солдатские Георгиевские кресты едва ли не из царских рук на полях великой войны полученные. Но вот добрых слов в адрес русских солдат, офицеров и генералов, доблестно в пекле этой войны сражавшихся, по-прежнему не находил». Но это не так! Кроме мемуаров самого Брусилова, вышедших в военные годы, была выпущена в типографии имени Сталина книга профессора Владимира Мавродина «Брусилов» (1943), роман Сергеева-Ценского «Брусиловский прорыв» (1942/1943), который в 1946 году подвергся критике как «идеологически вредный», но сразу после этого издательство «Советский писатель» выпустило книгу Юрия Слѣзкина «Брусилов» (1947). Разве это замалчивание и дегероизация?

Другое дело, что не было создано достойной художественной эпопеи. Конечно, в романах нобелевских лауреатов Шолохова, Пастернака, Солженицына война присутствует, без неё и романов не существовало бы, судьбы героев – не сложились бы. Но всё, связанное с ней с лихвой перекрывается надвинувшимися и решающими для России, всего мира событиями XX века – революцией, гражданской войной, Великой Отечественной войной и бурным развитием новой невиданном миру цивилизации, ярко запечатлёнными теми же названными мировыми величинами. Справедливости ради надо отметить, что Первая мировая война в той или иной степени, конечно, всегда оставалась в поле зрения исторической науки, особенно военной. Количество изданий – огромное, что отчасти отражено в библиографии этой книги. Но долгое время о героях той войны можно было упоминать только в связи с их лояльностью к Красной армии, будущим отношением к советской власти. Более-менее объективные исследования, как, например, работы А. Зайончковского «Мировая война 1914–1918 гг.», Л. Бескровного «Армия и флот России в начале века», были настолько редки и малодоступны, что не влияли на общественную мысль, на интересы широкого читателя. Появлялись книги публициста Барбары Такман «Августовские пушки» («Молодая гвардия», 1972) о первом месяце той страшной войны и «Август четырнадцатого» Александра Солженицына, изданная на Западе. Отличительной чертой в описании Первой мировой войны Солженицына была его крепнущая нелюбовь к родине, в отличие от работ западных авторов, отнюдь не изображавших так безотрадно страну – пусть и чужую для них Россию. На фоне книги Такман, отражавшей достижения западной историографии того времени, написанное будущим автором «Красного колеса», выглядело легковесным историческим анахронизмом. В комментариях к специальной монографии прославленного стратега Б.М. Шапошникова, вышедшей при деятельном участии Маршалов Советского Союза А.М. Василевского и М.В. Захарова, констатировалось: «Громадную победу в этой битве (Галицийской) объективные историки ставят выше той, которая досталась немцам в Восточной Пруссии. Автор книги «Августовские Пушки» Барбара Такман, например, пишет, что в Галицийской битве русские «нанесли поражение австро-венгерской армии, особенно ее офицерскому корпусу, от которого она никогда уже не оправилась».

Позднее, в 1974 году, вышла книга «1 августа 1914» историка Николая Яковлева, написанная свежо, по-новому. Он не по советско-минцевской традиции освещал трагические события Первой мировой войны, показав предательская роль масонского «бизнеса», который на крови солдат подготовил Февральскую революцию 1917 года. Яковлеву тогда крепко досталось и от однофамильца в ЦК, и от ревнителей «тайных обществ» Н. Берберовой, И.И. Минца, А.Я. Аврихе. Чтобы не нагнетать страсти вокруг истории вопроса, власти того времени предпочли «забыть» тему. Но в 1980 году в сери ЖЗЛ вышла серьёзная, идеологически выдержанная в духе времени книга Сергея Семанова «Алексей Брусилов», которая поставила генерала в ряд выдающихся полководцев России, включая Республику Советов. И снова – затишье на историко-художественном фронте.

Сейчас положение исправляется, но тиражи и судьбы книг – уже не те. В частности, Шолоховский центр провёл презентацию книги полковника Сергея Куличкина «Первая миро-

вая», которая открыла новое приближение к восстановлению исторической правды о событиях вековой давности. Автор размышляет в начале книги: «Историки давно и подробно разобрали, как готовились к Первой мировой войне ее главные фигуранты, чем жил мир в предгрозовое время, что же подтолкнуло его к войне. И все-таки по мере знакомства с известными материалами не оставляет странное чувство неудовлетворенности, недоумения и досады. Особенно это касается России. В двадцатом веке современному человеку трудно понять из-за чего же развязалась столь кровопролитная, длившаяся несколько лет и втянувшая в свою орбиту три четверти населения земного шара, мировая бойня. Столь ли неразрешимы были противоречия, приведшие к миллионам жертв, разрушению целых государств и цивилизаций? В этом, на мой взгляд, главное различие между двумя мировыми войнами двадцатого столетия. Во второй мировой войне, особенно Великой Отечественной войне Советского Союза, цена вопроса заключалась не в каких-то торговых преференциях, проливах, колониях, политическом и экономическом влиянии, а в спасении от настоящей чумы, мора, поголовного уничтожения, которые несли Гитлер и его союзники. И это несмотря на то, что человечество уже имело жесточайший урок Первой мировой войны, начавшийся все с той же германской земли. Урок не пошел впрок. Думаю, человечество ничему не научилось и после еще более жестокой и разрушительной Второй мировой войны».

Прежде думалось, что коль скоро Советская власть рухнула, то, казалось бы, сам Бог повелел восстановить из небытия забытые или фальсифицированные страницы истории. Но все силы нового либерального агитпропа были брошены на развенчание «людоедской советской власти», особенно Сталина и его приверженцев. Книголюбы знают, что это – главный герой всех последних книжных выставок и ярмарок в России, и не сходящий с телеэкранов персонаж в разных ракурсах. Эта остервенелая борьба-апологетика зашла так далеко, что затронула, казалось бы, бесспорную святыню – Великую Отечественную войну 1941–1945 годов. Где уж тут объективно и ярко популяризировать Первую мировую войну! Стараниями нашего ТВ граждане про сомнительную Катюнь знают больше, чем про бесспорно героическую Воьну, где начинался легендарный Брусиловский прорыв! Ни указы и выступления президента, ни заигрывание с ветеранами, ни помпезные парады и торжества ни на шаг не приблизили нас к созданию единой, объективной истории великой Победы, прославившей СССР, Россию на века. Даже стандарты образования не выстроили цельную патриотическую картину для школьников.

Как их поворачивать к Первой мировой? Благо в тысячах семейных альбомов, в музейных экспозициях лежат пожелтевшие от времени, но до сих пор сохранившие четкость фотокарточки, с которых смотрят на нас наши деды и прапрадеды (а в моём случае и вовсе – двадцатилетний отец!) – рядовые и офицеры, юнкера и генералы, свидетели и участники одного из самых страшных катаклизмов в истории человечества... В 1914–1917 годах в русскую армию было призвано без малого 16 миллионов жителей нашей страны. А сколько было тех, кто стоял у заводских станков и трудился в поле, тех, кто вытаскивал раненых из-под огня, не спал ночей у операционного стола в лазаретах, тех, кто жертвовал трудовую копейку на помощь фронту, тех, кто был сорван с родных мест войной и стал беженцем, эмигрантом в расколоте мире.

Так или иначе Первая мировая вошла в каждый дом, в каждую семью, но события 1914–1917 годов кажутся уже такими далекими, что для кого-то они не существуют вовсе. Война, на которой наши предки проливали кровь за Отечество, была в официальной историографии объявлена империалистической, антинародной, бессмысленной и позорной бойней... Но, если говорить честно, даже мой отец и дядя Витя, награжденные шашками за храбрость, никогда особо не распространялись о своей боевой молодости: не принято, наверное, было пафосно прославлять себя, а вот про какие-то курьёзы военного быта рассказывали. И всё, конечно, затмила Великая Отечественная, близкая гибель и страдание родных. К тому же, надо согласиться с тем, что Верховный главнокомандующий Николай II был свергнут своим же окруже-

нием, все великие князья стояли за его отречение, как и большинство генералов. Никчёмный правитель Керенский сместил со своих постов главных пахарей и победителей – генералов Алексеева и Брусилова. Представьте себе, что Сталин в 1945 году – свергнут, Жуков и Рокоссовский отправлены в отставку, никакого Парада Победы – нет, некому проводить и принимать! Что бы осталось в памяти поколений и всего мира? И так уже главными победителями даже для некоторых несмышлёных россиян становятся американцы, а ведь созданы великие книги, фильмы, скульптурные комплексы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.